

НЕМЧИНОВЫ

Е. Кральнойкина

16+

Елена Александровна Кралькина

Немчиновы. Часть

3. Беспокойная зима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55615250

SelfPub; 2020

Аннотация

Никогда в жизни Николай Иванов не праздновал труса. С детства приучал себя не бояться темноты. Ни разу в жизни не свернул с дороги, если навстречу шли крутые пацаны, ни разу в жизни не побоялся оказаться лицом к лицу с преступником. А сейчас спекся. Впору валерьянку пить. Из заключения вышел Недельский...

Содержание

Виталий Петрович	6
Валя	9
Юра	12
Наташа	21
Юра	25
Наташа	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Я так молилась
За тебя.
И гасла, изгибалась
Все свеча,
И будто не было
Конца,
И я в руках
Твои слова сжимала.

А пальцы
Страстные твои
Холодным стоном
Отзывались,
И я кричала,
И свеча,
Чуть вспыхнув,

Снова угасала.
И извивались
В крови голоса,
И среди них,
Для них
Ты появлялся,
Исчезал и,
Воскресая,
Удивлялся,

И тихо руку
Мне давал.
И я просила,
Чтоб ты
Не умирал.
Ты пей из рук моих живую воду...
И.К. Вавилин

Виталий Петрович

Наверное, неправильно сказать, что сегодня самый счастливый день в моей жизни, но определенно он один из самых счастливых и ярких. Никогда еще я не чувствовал себя настолько востребованным и нужным окружающим. Почти месяц мы с Пантелеем провели в Москве. Конечно, не от хорошей жизни. Стараниями Пантелея, Глеба Николаевича Иванова, отца большого друга нашей семьи Николая, десятков инженеров и рабочих в Сосновске возродился завод, который начал кормить весь город. Пантелей боялся сглазить, что жизнь в Сосновске наладилась, и оказался прав. Нашлись желающие прибрать завод к своим рукам. Формальным поводом стала неуплата налогов за годы, когда завод фактически лежал в руинах. По городу поползли нелепые слухи, что завод ликвидируют, а на его месте построят игорную зону. Люди заволновались, на территории завода было организовано круглосуточное дежурство, а я с группой юристов засел за подготовку документов для рассмотрения дела в арбитраже. Губернатор и Анатолий Батищев нажали на все возможные кнопки. Вчера в Москве, наконец, было вынесено решение в нашу пользу, более того, суд удовлетворил иск о возмещении упущенной выгоды, так как завод был вынужден отказаться от ряда контрактов из-за неопределенности прав собственности.

После судебного заседания первым же поездом мы с Пантелеем выехали в Сосновск. Когда мы вышли из поезда, я, можно сказать, был потрясен. Вся привокзальная площадь была полна народа. Люди собрались, чтобы нас встретить. Мало того, что нам преподнесли по огромному букету цветов, люди начали скандировать: «Молодцы!». В моей жизни такого еще не было. Первый раз в жизни я понял, что такое эйфория. Пантелей произнес небольшую речь. Аплодисменты перешли в овацию.

Нас с Пантелеем встречали Вадим с Валечкой и Анечка с Юрой. У женщин на глазах я заметил слезы, а сын явно мной гордился. Какое это счастье, что все наши разногласия с Вадимом остались в прошлом. Только увидев Вадима с Валечкой, я понял, как же я соскучился по всей своей семье, особенно по внукам – Сонечке и Сереженьке. Жаль только, что Мишель с Зиной остались в Москве. Мишель и его одноклассница Танечка поступили на физический факультет МГУ. Танечка живет в общежитии, а Мишель с Зиной – в квартире, которую мы с Вадимом приобрели в самом центре Москвы. Зина вызвалась сопровождать Мишеля, так как считает, что за ним необходим присмотр. Больше всего мы с Зиной боимся, что любовь Танечки и Мишеля перейдет во «взрослую» фазу. Рано им еще. Время от времени Танечка приходит домой к Мишелю. Они вместе занимаются. Если время позднее, Зина оставляет Танечку ночевать, но спит Таня в одной комнате с Зиной. Я спокоен, никаких «неустав-

ных отношений» Зина не допустит. Можно немного расслабиться и окунуться в простую семейную жизнь.

Валя

Наконец-то настал вечер пятницы. Прошедшая неделя выдалась тяжелой и нервной. Холода в этом году ударили очень рано, в самом начале зимы. Многие учителя заболели, мне пришлось отдуваться и за себя, и за коллег. И все это на фоне нервов, связанных с судьбой завода. Весь Сосновск затаил дыхание, удастся отстоять завод или нет. В сосновской церкви, которую построили по проекту Вадима, даже прошел молебен, на который собралось полгорода. Слава богу, все волнения в прошлом. Виталий Петрович с Пантелеем Ивановичем не подкачали.

Пятница, вечер – золотое время, впереди два дня отдыха, завтра надо будет только ненадолго съездить к Юрке на кружок, и все. Юрка задумал поставить с ребятами «Ромео и Джульетту». Вадим подготовил эскизы декораций и хочет показать их «артистам». Юрка – молодец. Чего он только не наворотил за последние годы, даже непонятно, как он все успевает. У нас с Вадимом успехи скромнее, вся наша жизнь сконцентрировалась на наших двойняшках. Я с улыбкой вспоминаю, что Вадим считал себя непригодным для семейной жизни. Не знаю, можно ли найти более заботливого отца и мужа. Сейчас наши непоседы уже спят. Сопят в своих кроватках. Я тоже решила лечь пораньше. Я сильно замерзла на вокзале. Дома, конечно, я попила горячего чая, надела

на себя три кофты, но все равно никак не могу согреться. Пришлось надеть самую теплую ночную рубашку, шерстяные носки и залезть под одеяло. Попробовала почитать, что-то не пошло. Я решила просто полежать и послушать дом. На улице началась самая настоящая метель, ветер завывает, а мы дома – в тепле. Хорошо. С Мишкой и тетей Зиной я уже поговорила, они тоже дома, у них все в порядке. Это тоже хорошо. Дети спят. Вадим сидит за столом, который он перенес в нашу спальню, чтобы работать рядом со мной. На столе – зеленая настольная лампа. Вадим готовит рисунки для детей. Каждый вечер я читаю детям сказки, а Вадим рисует иллюстрации. Потом дети выбирают наиболее понравившуюся картинку, и Вадим ночью рисует для них только контур, получается вроде раскраски. Днем дети раскрашивают картинки. У нас набралось уже несколько альбомов с иллюстрациями. Самое трудное для Вадима – нарисовать две одинаковые картинки. Если картинки получаются разными, дети ссорятся, кому какая. Никак не можем приучить их уступать друг другу.

Вадим потихонечку включил свой любимый французский шансон. Он даже подпевает, когда забывает, что надо стесняться. Я слышу, как Дассен поет Salut и, как всегда, прихожу в восторг от того, как он произносит окончание «лю», очень сексуально. У Вадима получается точно так же, а у меня – никак. Я себя утешаю, что подделаешь – родилась в Сосновке, а не в Париже. Все равно – очень обидно.

Наконец я дождалась: [et si tu n'existais pas](#) – если б не было тебя... Мне кажется, что Дассен поет про нас с Вадимом, про нашу любовь... Я вспоминаю, как мы гуляли с Вадимом по Парижу, мне кажется, что я парю в воздухе. Кажется, я засыпаю...

Юра

Я патологически ничего не успеваю и очень злюсь на себя за это. Вроде бы целый день занят, но количество дел не только не убывает, а почему-то прибывает. Такой вот парадокс. Пять с половиной лет назад в моей жизни неожиданно произошли совершенно невероятные изменения. Никогда не думал, что такое вообще может случиться, а уж тем более со мной. До невероятных событий я тихо жил в провинциальном Сосновске с моей мамой, матерью-одиночкой. В детстве больше всего на свете я, конечно, хотел иметь отца, самого умного, самого честного, самого сильного, отца, который всегда был бы готов прийти мне на помощь. На втором месте шли мечты о брате, с которым меня связывала бы настоящая мужская дружба. Но что есть, то есть. Я вырос, вполне смирился с действительностью и, можно сказать, был счастлив. И вдруг выяснилось, что у меня жив отец, более того, он всю жизнь мечтал заботиться обо мне, но не мог из-за негодяя – Недельского, который угрожал расправиться с моей матерью, если он признает меня своим сыном. И это не все. Выяснилось, что я потомок старинного рода Немчиновых, которые когда-то до революции жили в своем имении вблизи нашего города. Мой прапрадед вместе с семьей уехал в Париж после трагической гибели дочери Сони еще до революции. Род Немчиновых во Франции не заглох, ока-

залось, что у меня есть дядя, брат и сирота племянник. Его отец – мой старший брат – чуть более пяти лет назад был убит вместе со своей женой. Убит, потому что отказался сотрудничать с мошенниками, которые пытались завладеть наследством: его почти сто лет назад мой прапрадед завещал своему внебрачному сыну – моему прадеду, оставшемуся в России. В одночасье я оказался сказочно богат: у меня появились отец, брат, племянник и солидное состояние. Надо сказать, что мой прапрадед, Леонид Львович, был очень умным, дальновидным человеком. Он не тешил себя надеждами, что власть большевиков – явление сугубо временное, он предвидел, что двадцатый век будет ох непрост, и не без основания предполагал, что его сын Федор сам вряд ли сможет воспользоваться наследством. Старый граф думал о нас, потомках Федора, поэтому основную часть наследства составили не деньги, которые могли обесцениться со временем, а артефакты, сыгравшие большую роль в истории рода Немчиновых, картины, старинные книги и антиквариат. Денежной частью наследства я распорядился очень просто. Я вложил деньги так, как посоветовали отец и дядя Виталя. Вложение оказалось весьма прибыльным, свой весьма неплохой доход я в основном трачу на школу, в которой работаю. По профессии я учитель истории, можно сказать, фанат своего дела, поэтому, когда в мои руки попали исторические артефакты, оставленные прапрадедом, у меня случился, как говорят мои ученики, вынос мозга. Самая ценная вещь – крест,

которым Иван Грозный наградил одного из моих предков за храбрость при взятии Казани. Подумать только, я – обладатель креста, который держал в руках Иван Грозный! Есть от чего помутиться разуму. Держать такую ценность у себя дома я считаю неправильным. Я обратился в Исторический музей в Москве, но там выставить крест в постоянной экспозиции музея отказались. Какой смысл передавать крест в музей, если он будет пылиться в запасниках? Тогда я пошел в наш сосновский краеведческий музей, там меня встретили на ура. Я решил передать в музей не только крест, но и антиквариат, завещанный мне прапрадедом. Конечно, перво-наперво я предложил разместить картины и антиквариат в усадьбе Немчиновых, но Вадим категорически отказался. Он считает, что усадьба – это дом для обычной жизни, а антиквариат, ценные картины и исторические ценности должны быть в музее. Руководство краеведческого музея во всем пошло мне навстречу, но, прежде чем нам удалось подготовить экспозицию, пришлось довольно долго возиться с реконструкцией помещения музея и усовершенствованием систем хранения экспонатов и безопасности. Мы сделали все по высшему классу, но мой отец настоятельно порекомендовал мне не выставлять настоящий крест, а заказать аутентичную копию. На это тоже ушли время и силы.

Мой погибший брат – Серж, так же, как и я, был историком. Так же, как и я, он интересовался историей древних, забытых цивилизаций. После смерти Сержа его отец, дядя Ви-

тая, передал мне архив брата, который я счел своим долгом разобрать. Для этого пришлось учить французский язык. Перед смертью Серж планировал организовать научную экспедицию на остров Пасхи. Мы с Вадимом и дядей Виталей решили, что наш долг – исполнить мечту Сержа. Путешествие, в которое мы пригласили друзей Сержа, оказалось чрезвычайно увлекательным. Мы сняли фильм, который показали и по российскому, и по французскому телевидению. В первых кадрах идут титры, где сообщается, что фильм снят в память об историках Серже и Луиз Немчиновых, которые мечтали разгадать тайны древних цивилизаций. Дядя Виталья посмотрел фильм молча и ничего не сказал, но я видел, что он очень доволен. Так в делах и суете пролетело почти шесть лет, а разбор старинных книг из коллекции Леонида Львовича я еще практически не начал. Откровенно говоря, меня это довольно сильно напрягает. Несколько раз я открывал книги, но моих знаний явно не хватает, чтобы оценить их значимость. Недавно я написал по мейлу профессору с кафедры древнерусской литературы филологического факультета и приложил фотографии первых страниц книг. Я удивился, но профессор ответил мне немедленно. Мы созвонились. Василий Васильевич всю жизнь искал список Жития святых, который оказался в коллекции прапрадеда. Мы договорились, что он приедет в Сосновск перед Новым годом, чтобы увидеть мечту жизни «книжного червя», как он выразился. Однако вчера вечером он мне перезвонил и попросил

разрешения на немедленный приезд его дочери Натальи Васильевны, кандидата филологических наук. Откладывать дело в долгий ящик ему не хотелось. Кандидатша должна прибыть сегодня. Василий Васильевич, конечно, просил устроить дочь в гостиницу. Но зачем это? Книги находятся в имении, во флигеле, в котором я живу уже пять лет. Отец с матерью обижаются, что я не хочу жить с ними, но мне как-то неудобно. Я привык, что мама одна, а тут она вдруг вышла замуж... Сначала мне казалось, что родителям надо дать время побыть друг с другом, а потом я как-то привык жить в усадьбе с дядей и семьей брата. Вчера я перебрался в гостевую комнату, а флигель решил отдать в распоряжение филологов.

Хорошо, что я послушался Вадима и купил себе Range Rover. Еще вчера вечером начал валить снег. Это не просто снегопад, а настоящая метель. Все улицы замело. Мой отец, мэр Сосновска, делает все возможное, чтобы очищать улицы от снега, но мощностей явно не хватает, поэтому даже на моем внедорожнике я с трудом подъехал к музею, где меня ждали ребята, которые занимаются в моем историческом кружке. Я оставил машину и двинул к музею. Рядом с музеем я увидел красную «Микру», которая намертво застряла в сугробе. Рядом с машиной суежилась странного вида девица – в легком пальто и сапогах на высоченных каблуках. «Явно блондинка», – подумал я. Я подошел к фифе и поинтересовался, могу ли я ей чем-то помочь. Она посмотрела на ме-

ня так, как будто я предложил ей заняться сексом прямо на улице, и гордо ответила отказом. Была бы честь предложена, я повернулся и пошел своей дорогой. И вдруг меня кольнуло: наверняка блондинка-фифа и есть филологиня, которая приехала изучать мои книги. Господи, зачем я предложил разместить ее в нашей усадьбе, пусть бы жила себе в гостинице. Чем дальше от меня, тем лучше. Мама воспитала меня вежливым человеком и опять же, «дворянские гены», поэтому пришлось обернуться и спросить: «А вы случайно не Наталья Васильевна будете?» Я понял, что до нее тоже дошло, кто я, поэтому она выдавила из себя даже подобие улыбки и милостиво разрешила вытащить ее «Микру» из сугроба. Я позвал ребят, и мы быстренько решили проблему. Для ребят потолкать машину, а заодно и друг друга – большая радость. Сразу отвезти фифу в имение я не мог, так как должен был позаниматься с детьми, у нас была намечена обширная программа. Пришлось пригласить фифу в музей. Когда она разделась, я увидел, что она, во-первых, никакая не блондинка, а темная шатенка, а во-вторых, что она натурально дрожит от холода. Пришлось поить ее горячим чаем и посадить рядом с обогревателем. Несмотря на принятые меры, что-то подсказывает мне, что она начнет знакомиться с моими книгами, лежа в постели с температурой под сорок.

На прошлом занятии я начал рассказывать ребятам об истории шифров. Тема эта для ребят весьма завлекательная, поэтому сегодня коробочка полна, пришли не только посто-

янные члены моего кружка, но и их друзья, которые раньше об исторических коллизиях не задумывались. Я продолжил рассказ, а потом предложил ребятам написать друг другу записки, пользуясь простейшим шифром, а затем расшифровать полученные послания. Все старались в поте лица, а когда дело дошло до расшифровки, поднялся настоящий гвалт. Ребята решили, что будут все вместе расшифровывать записки. Начались споры, смех. Шарик и ролик в головах ребят крутились на всю катушку. Я удивился, но фифа тоже приняла участие в обсуждении. Мы и не заметили, как пролетели полтора часа. Тут подъехали Вадим с женой – Валюшкой. Валюшку я знаю всю жизнь. Мы с ней сначала учились, а потом учительствовали в одной школе. Мне она всегда очень нравилась, я даже жениться на ней одно время хотел. Но Валюшка отказалась и, как я теперь понимаю, правильно сделала. Не было между нами того электричества, которое есть между ней и Вадимом. Мне даже завидно иногда, когда я вижу, как они выходят к завтраку, полные друг другом. У меня такой любви в жизни не было, но Вадим советует не отчаиваться. Он себя раньше считал абсолютно непригодным к семейной жизни, а теперь вот уже пять лет живет с любимой женой душа в душу, растит Сонечку и Сережу – очаровательных двойняшек.

Вадим довольно часто приезжает к нам на кружок с небольшой лекцией об архитектуре. Мы с ребятами хотим поставить «Ромео и Джульетту», отдельные сцены, конечно.

Вадим привез нам фотографии Вероны и немножко рассказал о городе и его архитектуре. Кроме фотографий Вадим привез еще наброски декораций к спектаклю. Ребята пришли в восторг – все, как в настоящем театре. Потом мы начали по ролям читать пьесу. Я видел, что фифа морщит нос. Наконец она не выдержала. Надо сказать, что поступила она тактично, ругать нас не стала. Просто взяла и прочитала отрывок так, что все замерли. Когда фифа закончила, ребята начали аплодировать, а мы с Вадимом и Вале́й их поддержали. Что значит талант! Филологиня доходчиво объяснила нам, что Шекспир хотел сказать нам в этой части пьесы. Ребята пригласили фифу заглядывать к нам на огонек, уж очень им хочется поразить всех спектаклем.

Наконец мы поехали домой. Валя как увидела, в каком пальтишке и на каких каблуках приехала фифа, так прямо в обморок упала. Разве можно у нас в таком виде выжить? Наташа засмушалась и объяснила, что не успела собраться перед отъездом, ей вещи должен привезти папа в следующие выходные. Оказалась, что машину она вела просто в домашних тапочках, так как переодеть сапоги на шпильках на нормальную обувь у нее времени перед отъездом не осталось. Все это было очень странно. Почему фифе надо было уезжать так срочно? Один-два дня ничего не решают. Спрашивать было неудобно, но очень любопытно. Какая-то эта Наташа вся странная и испуганная, что ли. Немножко оттаяла только, когда Валюшку увидела. У Валюшки глаз алмаз.

Она сразу поняла, что с фифой что-то не то, но в душу лезть не стала. Просто улыбнулась, сказала что-то там чисто женское, и вроде контакт наметился. Валя подтвердила мои опасения: она потрогала фифе лоб и вынесла вердикт – тридцать восемь и пять, никак не меньше. Мы засобирались домой. Микру оставили на охраняемой стоянке у музея, перегрузили Наташины вещи в мою машину и повезли ее домой. Я по дороге позвонил домой и обрисовал ситуацию. Позвонил я и матери, все-таки она врач, пусть осмотрит фифу, как -никак она гостья.

Наташа

Господи, как неудобно. Надо было просто уехать из Москвы и остановиться в каком-нибудь захолустье в гостинице и там в одиночестве зализывать раны. Это все папа, это он настоял, чтобы я ехала в Сосновск. Теперь я повисла камнем на шее у этих милых людей. Как неудобно, у них свои дела, а они вынуждены возиться со мной.

Я сбежала из Москвы, потому что мне было страшно, безумно страшно. Некогда было собираться, некогда одеваться в подходящую одежду, да и одежды-то по сути не было. Все осталось в квартире, где когда-то, в другой жизни, я жила с мужем. Мне казалось, сначала я все-таки любила его... или нет, я никогда не любила своего мужа. Вышла замуж, потому что этого хотела моя мать. Папа, как всегда, молчал, но явно не одобрял мой брак. Поначалу было все ничего, а потом муж превратился в животное. Позавчера он избил меня, схватил нож и довольно глубоко порезал мне руку. Как я только сумела убежать? До сих пор мне кажется, что Владислав гонится за мной. Как стыдно, у меня все тело в синяках, шею я замотала шарфом, но дома-то придется его размотать. Стыдно, очень стыдно. Очень стыдно, что я нагрубила Юрию Пантелеевичу, когда он предложил мне помочь с машиной. Какой он замечательный, как здорово работает с детьми. Но маме он бы точно не понравился – нет

лоска и по-французски, наверное, не говорит. В юности мне очень хотелось быть учительницей, но мама не разрешила. Почему я послушалась? Почему я все время делаю то, что она скажет? Я должна изменить свою жизнь. Мама сейчас в Париже и до Нового года не вернется. Папа обещал, что ничего ей не расскажет. У меня есть время все обдумать и решить, как жить дальше.

Я и не заметила, как мы подъехали к старинной усадьбе, оказавшейся жилым домом. Когда мы вошли, нас встретил седовласый господин, отрекомендовавшийся Виталием Петровичем Немчиновым, и двое карапузов, которые одновременно закричали:

– Ма, па! Мы в углу стоим, нас дедушка поставил, мы дрались, но мы больше не будем.

– Дедушка вас наказал, вот и просите у него прощения. – Валя оказалась строгой мамой. Дети умоляюще посмотрели на деда.

– Еще семь минут осталось, стойте, сколько раз уже давали слово не драться.

– Все из-за тебя! – одновременно сказали карапузы и стукнули друг друга.

– Сейчас папа еще добавит, – Вадим Витальевич постарался сделать голос строгим. Карапузы мгновенно исчезли. Правда, не успели мы раздеться, как раздался крик:

– Дедушка, а семь минут уже прошли?

– Нет, еще пять минут осталось. – Виталий Петрович за-

смеялся.

– Чего не поделили? – поинтересовался Вадим.

– Рекса рисовали, поспорили, у кого лучше вышло?

– Ну и кто лучше нарисовал?

– Трудно сказать, сам посмотри, рисунки в детской. Добро пожаловать в дом Немчиновых, – Виталий Петрович обратился ко мне. – Валюша отведет вас во флигель. Там тепло, и вам будет удобно. Юра звонил, рассказал, что вы больны. Анечка, его мама, – врач, приедет и осмотрит вас. Если у вас температура, то, вероятно, вам будет удобнее поужинать у себя в комнате.

Меня отвели во флигель. Боже мой, как здесь красиво и уютно. Валя сказала, что соседнюю комнату приготовили для папы. Скорей бы он приехал. Валя принесла мне теплую пижаму, халат и шерстяные носки. Неужели я все-таки куда-то приехала, могу раздеться, лечь и спать, спать...

Сквозь сон я почувствовала, что кто-то подошел к моей постели. Это оказались Валя и мама Юрия Пантелеевича – Анна Александровна. Она положила мне руку на лоб, и я почувствовала себя, как в детстве. Не знаю почему, но я заплакала.

– Девочка, ты вся горишь, не плачь, все хорошо, мы тебя в обиду не дадим. Подлечим, и будешь как новая, назло врагам. Ой-ей-ей. Кто ж так тебя? Если хочешь, я тебе официальную справку напишу про все твои синяки.

– Спасибо, у меня муж наркоман, это он меня избил, я еле

убежала. Соседи помогли, услышали мои крики и полицию вызвали. А полиция отвезла меня в травмпункт. Там все записали, я справку получила и на развод подала.

– Наташа, я гинеколог, тебе по этой части помощь не нужна?

– Нет, слава богу, секса у нас не было, вот только рану на руке посмотрите, пожалуйста.

Когда Анна Александровна развязала бинт, то я увидела, что началось воспаление, может, и температура у меня от этого поднялась. Анна Александровна только руками всплеснула и начала работать. Валя помогала. Что бы я делала, если бы оказалась одна в гостинице. Я заплакала еще сильнее.

– Все, все... Все уже прошло. – Анна Александровна поцеловала меня в лоб. – Теперь пить лекарства, кушать и спать. Завтра будет полегче. Главное, здесь ты в безопасности. Спи, девочка, – и я заснула.

Юра

Когда мама и Валя вышли от Наташи, я увидел, что они чем-то сильно встревожены, но как я ни пытался выяснить, что там такое произошло с моей гостьей, ничего у меня не получилось. Мама всегда строго соблюдает врачебную тайну.

За ужином Валюшка стала жаловаться, что на улице холодно. Как-то Мишка открыл глаза Вадиму, что окружающие вовсе не считают нас богатыми. Якобы Витька Пименов из Мишкиного класса много раз ему говорил, что или Вадим денег на Валюшку жалеет, или их у него не так уж и много. Во-первых, Валя скромно одевается, шуба у нее из мутона, и брюликами она не обвешивается, а во-вторых, ездит Валя на «Киа Рио», а не на БМВ. Вадим оскорбился до глубины души. Помню, он долго возмущался, как такое вообще кому-то могло прийти в голову. Может быть, кто-то считает, что он и для детей денег жалеет. На самом деле Вадим старается, чтобы у Валюшки все было по высшему классу. Сложность в том, что Валюшка не всегда чувствует себя комфортно в том, что по высшему классу.

– Валя, ты должна теплее одеваться, ты же говоришь, что шуба из мутона теплая, а из норки нет. Норковую ты не носишь, это я могу понять, но почему лисий полушубок в шкафу висит, мне совершенно не понятно, он же самый теп-

лый, – начал ворчать Вадим.

– Вадим, отстань, я хожу в том, в чем мне удобно. Мишка тебе голову Витькой Пименовым задурил. Вчера видела его мать. Кстати, если бы я одевалась так, как она, ты бы сразу со мной развелся и из дома выгнал.

За ужином дети были увлечены соревнованием, кто скорее съест салат. Жан-Пьер приготовил ребятам салат в форме елочек. Соня начала есть с верхушки, а Сережа – с основания. Естественно, что до середины елочки Соня добралась гораздо скорее Сережи и считала, что победа у нее уже в кармане, а тут... ветки у ее елки делались все больше и больше, а у Сережи, наоборот, – все меньше и меньше. Дети изо всех сил старались быстро есть, но, услышав про развод, остановились.

– Ма, па, что такое «разведешься»? Па, мы не дадим маму выгнать, мы дверь запрем и караулить будем.

– Дети, мама пошутила, я маму не выгоню, даже если она будет одеваться, как папуасы. – Двойняшки засмеялись, они только вчера вечером по телевизору видели папуасов и очень удивлялись, как им не холодно.

После ужина дети убежали смотреть мультики. За столом остались только взрослые. Я понял, что дядя Виталя приготовил какой-то сюрприз для нас. И действительно, он достал из конверта какие-то документы.

– Мы все раньше думали, что Леонид Львович решил признать Федора своим сыном только после смерти жены уже в

весьма преклонном возрасте. Некоторое время назад я разбираю документы и обнаружил, что это не так. Еще до отъезда в Париж граф подал прошение на высочайшее имя о признании Федора Полозкова его сыном и даровании ему дворянства. Рад вам сообщить, что еще в 1916 году просьба графа была удовлетворена. Так что, Анечка, ты – графиня. Мне показалось несправедливым, что Юра не может унаследовать титул, поэтому я взял на себя смелость исправить ситуацию. Я обратился в соответствующие инстанции и сегодня получил положительное решение. Не только для тебя, Юра, но и для Валечки.

– Ну что, графиня Анна, пустишь в дом раба божия Пантелейку или мне на коврик под дверью теперь спать? – Отец засмеялся.

– Как вести себя будешь, а то, смотри, на конюшню отправлю...

Отец сделал испуганное лицо.

– А можно от дворянства отказаться? – Вадим сегодня было явно не в духе. – Правда, за графиню Валентину я рад. Теперь есть что ответить мамаше Витьки Пименова.

Мы все засмеялись. Некоторое время назад мы все ездили на прием к Батищевым, большим друзьям Немчиновых еще по Франции и настоящим олигархам. Мужчинам предписывалось быть в смокингах, а женщинам – в вечерних платьях. Дядя Виталя как будто родился в смокинге, Мишка воспринимает смокинг как прикол, а для отца и нас с Вадимом смо-

кинг, конечно, лучше фрака, но все же трудно переносим. Валя же сразу предупредила, что платье с вырезом до пупа не наденет. Возникла проблема, ее помогла разрешить жена Анатоля Батищева – Надин. Она боготворит Валюшку. Несколько лет назад Батищевы привезли к нам детей на каникулы с большой просьбой к Валюшке подтянуть старшего сына по математике. В первый день пребывания детей у нас в усадьбе дым стоял коромыслом, а на второй – вдруг наступила тишина. Надин заволновалась, не заболели ли дети. Оказалось, Валентина начала рассказывать детям о шифрах, о математических законах, которыми пользуются дешифровщики. Потихоньку Валюшка перешла к школьной программе. Уезжали дети, влюбленные в математику. Позже Валюшка довольно часто давала уроки детям по скайпу. В результате о проблеме с математикой Надин забыла, а вот о благодарности Валюшке нет. Платье для Валюшки Надин подобрала великолепное. Правда, уже у Батищевых нам представили новых русских, которые действительно были из грязи в князи. Мадам – блондинка, видимо, от радости, что познакомилась с настоящими графьями, сейчас же стала предлагать Валюшке своего косметолога, якобы он может решить все кожные проблемы. Вадим не переносит, когда кто-то подвергает сомнению, что Валюшка лучше всех. Он сразу же заявил, что у Валюшки прекрасная, нежная, бархатистая кожа, поэтому косметологи ей ни к чему.

– А почему же Валентина Васильевна в таком закрытом

платье, сейчас же модно быть сексуальной. – Вадим аж поперхнулся. Выручил Мишка. Он заверил блондинку, что платье Вале подобрал знаменитый парижский стилист.

– И вообще, – нашелся Вадим, – Валентина Васильевна – графиня, титул обязывает, ей приходится одеваться сдержанно.

Наташа

Я проснулась поздно. Чувствовала я себя гораздо лучше. В доме было тихо-тихо. Я выглянула в окно. Какая красота! Перед домом была большая белая поляна, а дальше стояли припорошенные снегом сосны. Покой. Если бы не было так неудобно перед Юрием Пантелеевичем, лучшего места мне себе было не найти. Кушать очень хочется. Что делать? Неудобно в чужом доме пойти и попросить поесть. Надо потерпеть, еще полежать и поспать... Сквозь сон я услышала, что приоткрылась дверь, ко мне заглянула Анна Александровна.

– Проснулась, лягушка-путешественница, сейчас тебе завтрак принесут, ты лежи, болей. Температура вроде бы спала. В туалетной комнате для тебя все новое приготовили. Бери, не стесняйся. Юрка после обеда придет. Тогда он тебе и книги свои покажет.

Юрий Пантелеевич заглянул ко мне уже к вечеру. У меня опять поднялась температура, но я видела, что ему очень хочется показать мне книги, поэтому я встала и прошла с ним в кабинет. Я осторожно перебирала книги и вдруг не поверила своим глазам. Передо мной лежал список, который всю жизнь искал мой папа. Вот это да! Это же сенсация! Список считали утерянным уже лет сто. Я сейчас же позвонила папе. Оказалось, он взял на работе небольшой отпуск и уже едет

на вокзал. Как хорошо, я так соскучилась.

Я видела, что Юрию Пантелеевичу очень хочется показать мне свои «богатства», поэтому сама спросила, нет ли у него еще чего-то интересного. Сейчас же из сейфа появились фотография креста, который даровал Иван Грозный предку Немчиновых, копия донесения Меншикова Петру о подвигах графа Немчинова под Полтавой, наградная шпага, подзорная труба и многочисленные фотографии семейства старого графа, признавшего прадеда Юрия Пантелеевича своим сыном и оставившего ему наследство.

Вдруг за дверью раздался топот и в комнату влетели карапузы.

– Дядя Юра, ты шпагу Наталь Васильне показывать будешь?

– Соня и Сережа, опять вы вошли без спроса. Как должны вести себя воспитанные дети? – глаза у Юрия Пантелеевича улыбались.

Дети выбежали из комнаты, закрыли за собой дверь, постучали. Раздался крик: «Дядя Юра, можно войти?». Не дожидаясь ответа, дети влетели в комнату, поздоровались и сразу же забрались на колени к Юрию Пантелеевичу. Шпага красовалась на столе. Даже у меня, уже взрослой девочки, екнуло сердце, когда я увидела шпагу, рукоять которой усыпана драгоценными камнями. Что же говорить о детях. Осторожно, одним пальчиком Соня дотронулась до острия шпаги и сразу отдернула руку.

– Бояка! – Сережа подержал палец на острие шпаги на секунду дольше.

– Сам бояка. – Соня показала Сереже язык и опять хотела дотронуться до шпаги, но Юрий Пантелеевич не позволил: «Раз ссоритесь, я шпагу сразу убираю».

– Дядя Юра, мы больше не будем, а крест ты Наталья Васильне показывать будешь?

– Нет, крест папа в банке в сейф положил, у меня только фотография.

– Ну тогда мы побежали, попросим папу привезти крест, ты, дядя Юра, тоже попроси, а то Наталья Васильне на фотографию смотреть неинтересно. – Дети убежали.

Юрий Пантелеевич рассказал мне историю своей семьи. Он узнал своего отца только пять лет назад. Меня очень заинтересовало, как складывались их отношения. Дело в том, что мои мама и папа, воспитавшие меня, мне неродные. Много лет назад я по своей глупости потерялась. Вроде бы мой родной папа был военным. Как я теперь понимаю, он был в командировке, а маму срочно отвезли в больницу. Я осталась с соседкой. Она решила отправить меня к моей тете в соседний город. Почему-то тетя за мной приехать не смогла, и меня отправили на автобусе вместе с каким-то знакомым соседки. Мне он показался очень страшным. Тем более что сразу предупредил, что если я буду себя плохо вести, он меня съест. Всю дорогу я только и думала, как от него убежать. Возможность представилась, когда водитель остановил

автобус в лесу, чтобы я могла сбегать в туалет. Как только я оказалась в лесу, я бросилась бежать и хорошенько спряталась. Меня долго искали, но я не отзывалась. Наконец автобус уехал, я вышла на дорогу и пошла в какую-то сторону. Шла я долго, по дороге споткнулась и упала в лужу. Села рядом и заплакала. Тут меня и нашли мои приемные родители: папа Вася и мама Люба. Вроде бы родители даже заезжали в милицию, чтобы сообщить, что нашли девочку, но, подозреваю, мама Люба договорилась с тамошним начальником, чтобы о находке в сводке не сообщали. Папа Вася до сих пор уверен, что все было по-честному и меня никто не искал, но я сильно сомневаюсь; мои настоящие родители меня любили. Год назад мама Люба, посмотрев передачу «Жди меня», со слезами отдала мне конверт с письмом, видимо, к моей тете, который много лет назад она нашла у меня в сумочке. К сожалению, на конверте практически ничего нельзя разобрать, так как конверт вместе со мной побывал в луже. Читаются только окончания, видимо, название улицы – «ва», номер дома – 28 и квартиры – 33. Я никогда никому не рассказывала свою историю, а тут почему-то взяла и рассказала Юрию Пантелеевичу. Еще я призналась, что сомневаюсь, стоит ли мне искать настоящих родителей. Меня вырастили чужие люди, я впитала их образ мыслей, их культуру, они стали мне родными. Я боюсь, что мои настоящие родители окажутся совершенно чужими мне по духу людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.